

Серия
«Антология мысли»

А. А. Майер

Наброски и очерки
ахалтекинской экспедиции
1880—1881 гг.

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2018

УДК 355.48
ББК 63.3(2)521
М14

Автор:

Майер Александр Александрович (1858—1919) — боевой офицер, с 1915 г. — генерал-лейтенант Адмиралтейства.

Майер, А. А.

М14 Наброски и очерки ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг. / А. А. Майер. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 218 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-06122-2

Очерки А. А. Майера посвящены военному походу 1880—1881 гг. по завоеванию русской армией территории племен текинцев, живших в Туркмении.

Ахалтекинская экспедиция под управлением генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева, который по указанию императора Александра II получил полную свободу действий, увенчалась успехом и определила позицию Российской Империи в соперничестве с Великобританией по завоеванию Средней Азии.

Майер описывает события похода, немало внимания уделяя лично-сти самого Скобелева и его действиям в процессе экспедиции.

Для широкого круга читателей.

УДК 355.48
ББК 63.3(2)521

Оглавление

Предисловие	6
1. На биваке.....	8
2. Переход в степи	11
3. Укрепление Бендессен и охотники	16
4. Правофланговая Кала	43
5. В горах Копет-Дага	63
6. Ночь в Эгян-Батыр-Кала.....	102
7. Осада и штурм Геок-Тепе.....	149
Новые издания по дисциплине «История» и смежным дисциплинам	201

Предисловие

Посвящается памяти «Белого генерала» и товарищей, павших под стенами Геок-Тепе

Взявшись за перо в минуту тяжелой хандры и чувства полного одиночества, я вскоре с искренней радостью заметил, что процесс приведения на память впечатлений моей боевой жизни заполняет пустоту моего прозябания... Длинной вереницей тянутся мысли одна за другою, сцена перехода по сыпучим пескам сменяется сценами боя, лица товарищей явственно представляются глазам, все это так живо, так рельефно!..

Незаметно для самого себя увлекаешься воспоминаниями, и в результате появляется изложение собственных чувств и мыслей, пережитых за одиннадцать месяцев похода. Поэтому, читатель, вы и не найдете в предлагаемых вашему вниманию очерках объективного взгляда на экспедицию, не найдете критической оценки действий того или другого начальника, не найдете характеристики, по крайней мере обширной, распоряжений и образа ведения всего предприятия покойным Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. То, что вы прочтете, если хватит терпения, есть сумма личных впечатлений, вынесенных мною за время участия в экспедиции.

Будучи моряком, я мог быть вполне беспристрастным ко всем остальным родам оружия, что даже и в очерках, а не в историческом исследовании, все-таки играет значительную роль.

Проглядывающее в моей книге боготворение покойного «Белого генерала», по всем вероятностям, ни одному истинно русскому человеку не покажется удивительным — Скобелев был у нас один обладавший способностью привлекать навсегда сердца тех людей, кровь которых, по словам недоношенного критика Градовского, он так мало берег...

Выступая впервые на литературное поприще, я сознаю себя слишком слабым, чтобы бороться с вышепоименован-

ным г. Градовским, автором известного пасквиля на покойного героя. Да, собственно говоря, борьбы и быть не может — действие этого пасквиля было совершенно обратное тому, что ожидал г. Градовский; всякий, прочтя его брошюру, проникался еще большим уважением к памяти великого покойника, забрызгать которого грязью не удастся не только одной, но и целой своре чернильных «мосек».

Впрочем, лично для меня брошюра г. Градовского кажется изданною не с целью «облаяния» памяти Скобелева, а с целью более практичную — финансовую.

У покойника было и есть много завистников, как у всякого выдающегося человека, особенно в числе разных, лыком шитых генералов и других непризнанных военных гениев. Эта публика раскупала брошюру рьяно, нет сомнения. Почитатели покойного Скобелева тоже покупали книжонку, чтобы собственными глазами убедиться, до чего может дойти характеризующее вообще нашу эпоху нахальство бумагомарателей... В результате — хороший «гешефт» для г. Градовского, который, будучи истинным героем нашего продажного времени, логично рассудил, что за тычком или обруганием гнаться не следует, а деньги — вещь хорошая!..

В моих воспоминаниях об экспедиции собственно Михаилу Дмитриевичу Скобелеву отведено мало места. Я выше уже говорил, что излагал главным образом собственные впечатления, произведенные на меня исключительною обстановкою степного похода. Всякий раз, когда передо мною являлся «Белый генерал» — он являлся в ореоле героя... Он производил на меня труднообъяснимое впечатление... Много раз, например, у меня являлось страстное желание быть убитым у него на глазах, с какою целью — я могу себе отдать отчет... Его присутствие в бою производило особенный подъем всей нервной системы...

Чувствуя себя не в силах дать какую-нибудь характеристику для этого человека, бывшего всегда в моих глазах чем-то особенным, я и не брался за эту непосильную работу, а удовольствовался изображением наиболее выдающихся картинок экспедиции, для большинства читающей публики остающейся малоизвестною.

Александр Майер

Николаев, 1884 год

1. На биваке

«Сельдфебеля к командеру!» — крикнул рыжий, весь в веснушках, солдат, старательно раздувавший голенищем дырявого сапога маленький нечищенный самовар с изломанной трубкой, несомненно составлявший собственность «командера», сидевшего у входа в палатку и дымившего толстую папиросу из короткого обгрызенного мундштука. Вокруг ревели разбуживаемые верблюды, ржали лошади, гремел голос батарейного командира, разносившего какого-то унтер-офицера, на запыленной, медно-красной физиономии которого выражалась апатия в соединении с чувством удивления к необычному красноречию усатого начальника, начинавшего, впрочем, уже исчерпывать свой лексикон ругательных выражений и закончившего таким словом, что даже пехотный солдатик, поблизости протиравший винтовку, вполголоса произнес: «Ишь ты, ловко!»

Придерживая на бегу левой рукой гремевшую саблю, явился фельдфебель и истуканом стал пред «командером». Последний выпустил изо рта облако дыма и, глубокомысленно почесав кончик носа, изрек:

— Выставить немедленно аванпосты, да смотри у меня, назначить не по наряду, а людей посвежее. Как бы не было чего сегодня ночью...

— Слушаю, ваше в-родие, — рявкнул молодеватый фельдфебель и, повернувшись налево кругом, сразу исчез в хаосе людей и лошадей.

Описываемая сцена происходила на одном из биваков колонны, шедшей из Чикишляра в Вами, в начале июля 1880 года.

Текинцы бродили шайками по степи, и поэтому действительно можно было чего-нибудь ожидать. Солнце собиралось заходить, длинные тени падали от всех предметов, и хребет Копет-Дага как бы удалялся от глаз наблюдателя, принимая все более и более темно-лиловые оттенки.

Синева безоблачного неба обещала скоро обратиться в черный свод, вся же степь окрашивалась в бледно-оранжевый цвет. Красноватые лучи солнца играли на кончиках штыков ружей, составленных в пирамиды и освещали причудливым образом фантастически одетых в разноцветные лохмотья верблюдо-вожатых, копошившихся около разведенного в стороне огня, на котором готовился плов. Гортанные звуки их говора далеко разносились и покрывали собой голоса солдат, лежавших тут и там.

— Куда тебя, черти несут? Не вишь нешто — человек лежит! — крикнул солдат казаку, несшему вязанку колючек и наступившему ему на руку.

— А ты чего идилом разлегся на дороге, — степь, чай, узка тебе?

— Вот как накостыляю бока, тогда узнаешь, хохлацкая твоя образина! — отвечал солдат, разобидевшийся дельным замечанием казака.

— Нехай его бреше, сучий москаль, то чай стынет, — увещевал другой таманец товарища, собиравшегося отомстить солдату за название «хохлацкая образина». И оба казака побрели к большому костру, откуда слышался малороссийский говор и громкие окрики на лошадей, бивших друг дружку на коновязи.

Солнце село, и на месте заката оставались багровые полосы, золотившие на горизонте холмы.

Невыносимая духота дня сменилась приятною прохладой. Показались звезды и серповидный кусочек луны, которая скоро должна была скрыться. Послышались песни и смех солдат, позабывших об усталости дня.

Господа офицеры выползли из палаток и собрались пить чай. Денщики забегали с переметными сумами; зазвенели стаканы, явилась бутылка с водкой и классическая закуска офицера в походе — коробки с сардинками и колбаса, пригодная по своей твердости заменить картечь в критический момент боя. Вот на двух разостланных на земле бурках разместилось человек восемь офицеров: тут и пехотинцы, и артиллеристы, и два моряка, и казак — словом, все роды оружия.

Первое время не слышно ничего, кроме бульканья и покрыванья, — бутылка обходит компанию; с болезненной напряженностью следят взоры тех, до кого она не дошла, за количеством остающейся в ней влаги. «А вдруг мне не хва-

тит?» — думается непившим, но все благополучно: всем хватило и выпить и закусь.

— А что, господа, не к ночи будь сказано, как бы эти черти, текинцы, не наделали нам хлопот, — сказал офицер, прожевывая кусок черного сухаря.

— Ну, вот тоже! — возразил усатый артиллерист, столь энергично разносивший недавно унтер-офицера. — Пускай явятся, узнают, что значит хороший картечный выстрел! — При этом он опрокинул в рот вторую порцию водки.

Артиллеристы в походе счастливейшие люди: у них всегда есть возможность набрать с собой массу закусок и вин, так как в зарядных ящиках может поместиться помимо смертельных гранат и шрапнелей много и других вещей. Начали пить чай, разговор принял оживленный характер.

Посыпались остроты, шутки; посмеялись добродушно над моряками, попавшими совершенно неожиданно не в свою стихию, поговорили о далеком Севере, и, как всегда в обществе офицеров, разговор перешел к скабрёзным анекдотам, причем каждый обязывался рассказать по одному. Между тем наступила полная темнота. Завыли шакалы, на душе становилось как-то жутко; чувствовалось, что в случае нападения неминуемо должна произойти, вследствие темноты, суматоха, могущая не особенно хорошо для нас кончиться.

Наступила тишина, прерываемая только чавканьем верблюдов, пережевывавших свою жвачку, да храпом спящих солдат; изредка на коновязи начинала ржать и биться лошадь, и тогда слышался полусонный окрик дежурного по коновязи, и снова все замирало, и в степи мелькала масса огоньков — глаза степных хищников, издававших звуки вроде плача маленького ребенка.

— Однако пора спать, — заявил кто-то из офицеров и, тяжело поднявшись с бурки, поплелся восвояси, натываясь на спящих и вполголоса ругаясь на темноту. Вся компания разошлась. Слышно было, как звали разных Иванов, Петров и других — это денщики должны были помогать своим господам ложиться спать. Затем, после неоднократного зова, слышалось зеванье, потягивание и неизменное: «Сейчас, ваше б-дие».

Бивак погрузился окончательно в сон, и только аванпосты зорко всматривались в темноту, ожидая нечаянного нападения.

2. Переход в степи

Жарко, душно... Губы и язык запеклись, глаза налились кровью, пот струится по исхудалым, обожженным лицам, оставляя грязные полосы. Ноги с трудом передвигаются, шаги неровные, колеблющиеся; винтовка кажется пудовой тяжестью и немилосердно давит плечо, а солдатик все идет, идет машинально, пока не завертится все в глазах, не покроется кровавым облаком и сотни молотов не застучат в виски; тогда представитель касты «пушечного мяса» закачается, взмахнет руками, берданка вывалится и с тихим, душу надрывающим стоном свалится он на горячий песок с закатившимися глазами, с пеной у рта. Немедленно являются «земляки», такие же измученные, едва движущиеся, приподымают товарища, льют ему в горло теплую мутную воду из баклажек, смачивают голову, освежают воздух, размахивая своими отрепанными фуражками, но «земляк» лежит без чувств; хриплое дыхание со свистом вырывается из его конвульсивно поднимающейся груди, он скрежещет зубами, и пена с кровью течет по его обострившемуся подбородку на смоченную потом изорванную рубашку, в многочисленные дыры которой видны ребра, обтянутые смуглой кожей, давно не выдавшей бани. У солдатика солнечный удар — явление обыкновенное в Средней Азии. Но вот является представитель медицины — фельдшер — в большинстве случаев семитского проположения. С помощью нашатырного спирта больной приводится в чувство, и счастье его, если открывается кровотечение носом: жизнь спасена. Поддерживаемый товарищами, бредет он к ротному фургону, где уже сидит не один «слабый»; тут же помещается фельдшер, который через краткие промежутки времени мочит ему водой голову, забинтованную куском полотна, и старается мешать ему уснуть, так как сон после солнечного удара может иметь смертельный исход. Дремлющий возница понукает лошадей, и фургон торопится снова занять свое место в длинном ряду других повозок и фургонов.

Бесконечную желтую скатертью раскинулась степь. Как может обнять взгляд, видна только пустыня, изрезываемая кое-где блестящими белыми полосами, — это солончаки. Ни клочка зелени, ни деревца, ни холма — ничего, на чем мог бы отдохнуть глаз, утомленный однообразием этой, Богом обиженной страны.

На бледно-голубом небе нет ни облачка — да откуда бы, впрочем, могло оно взяться, когда нет воды для испарений? Удушливый воздух неподвижен, нет ни малейшего ветра, и это счастье! Сколько раз мне приходилось слышать от новичков в степном походе пожелание, чтобы задул ветер, и затем, когда желание это случайно исполнялось, какие проклятия посылались этому, столь нетерпеливо ожидаемому ветерку! Да и было за что. Представьте себе удовольствие в течение пяти и шести часов идти в облаке мелкого песку, не видя ничего в десяти шагах и пропитываясь пылью, набивающейся в нос, рот, уши. Слезы льются градом, веки опухают и краснеют от постоянного вытирания глаз платком. Очки мало помогают, и наконец на стекла насаждает такой густой слой пыли, что через очки нет возможности ничего увидеть, и в довершение всего, ветер не приносит пролады и производит на тело впечатление, сходное с тем, какое испытываешь в бане на полке при взмахах веника, пригоняющего на тело струю раскаленного воздуха.

Длинной вереницей тянутся верблюды, нагруженные провиантом, ротными хозяйственными принадлежностями, солдатскими и офицерскими вещами и патронами. На каждые шесть или семь штук полагается по вожатому. Вожатые разных национальностей: персы, туркмены, киргизы. Каждый из них сидит на горбе переднего верблюда, раскачиваясь с апатическим видом взад и вперед и мурлыча себе под нос далеко не музыкальную песенку. Остальные верблюды привязаны друг к другу за хвост или за седло. У многих из проткнутых ноздрей, куда вдет палочка на веревке, капает кровь, что служит доказательством дурного характера этого верблюда, желающего освободиться от своеобразной уздечки. На каждых десять верблюдов назначается солдат или казак, обязанность которого смотреть за вожатым и останавливать свою партию в случае потери какой-нибудь вещи, что случается довольно часто, так как веревки, коими привязывается груз, ослабляются от постоянно качающегося движения верблюда.

Версты за полторы или две видны отдельные группы наездников в три-четыре человека каждая — это наши казаки разъезды. По временам один или два человека отделяются и рысью скачут в сторону осмотреть какую-нибудь балку или овраг и, не найдя ничего подозрительного, возвращаются на свое место.

— Дяденька, а дяденька! — робко обращается молодой солдатик-сапер к усатому ефрейтору, украшенному двумя крестами и шагающему с сосредоточенным видом и с каким-то озлоблением.

— Чего тебе? — еле повернув голову, спрашивает старый служака.

— Скоро ли «стой» сыграют? Просто моченьки нет, все ноги стер... — плаксивым тоном жалуется солдатик, и неподдельное страдание выражается на его молодом, безволосом и глуповатом лице.

— А ты... (тут почтенный ефрейтор употребил довольно сильное выражение) Кто виноват, что надел сапоги? Вот тебя еще в ночные надо назначить, чтоб слушался в другой раз; ведь есть поршни, а то сапоги надо! Деревня! — И ефрейтор сплюнул в сторону.

Солдатик замолчал и продолжал идти ковыляя, стараясь ступать больше на носки.

По наружности ефрейтора видно, что это не новичок в степном походе. Все у него пригнано так, что не стесняет движений. Сума с 120 патронами самодельная, из сукна. Снаружи сделано несколько гнезд, откуда виднеются шляпки патронов: это на случай быстрой, неожиданной надобности сделать несколько выстрелов. Сума на широкой перевязи через правое плечо, и перевязь проходит под поясной ремень, чтобы на бегу сума не хлопала по бедру. Сзади холщовый мешок, на котором ваксой написаны номер роты и начальные буквы имени и фамилии владельца. Мешок так приспособлен, что не шелокнется на ходу; большая деревянная баклажка с водой обтянута войлоком и помещается на правом боку очень удобно. Ноги обуты в поршни, то есть в баранью кожу, без каблуков, и по своей мягкости не оставляют желать ничего лучшего. На голове кепи с назатыльником из куска полотна, защищающего отчасти шею и затылок от жгучих лучей солнца. Одет ефрейтор в белые штаны и красную кумачовую рубашку, так как в походе в Средней Азии форма не соблюдается и какой-нибудь генерал прежних времен, наверное, умер бы от апоплексии при виде роты, одетой в самые комичные и разнообразные костюмы.

Шагах в пятидесяти перед ротой шагает верзила поручик с кавалерийским карабином на плече в сопровождении двух вольноопределяющихся, один из которых горец, уроженец Кав-

каза, обладает физиономией, способной в сумерках испугать и не очень робкого человека.

Поручик, пресимпатичнейшая личность, весь обросший бородой, с высоким, умным лбом, останавливается и поджидает свою роту.

— Что, ребята, устали небось? — спрашивает он солдат, и измученные солдатики сразу подтягиваются, подбадриваются и в один голос отвечают:

— Никак нет, ваше б-дие.

Эта черта характера нашего солдата постоянно мною замечалась: измученный, обессиленный, он всегда старается перед начальником показать себя бодрым и скорее заявить о своей усталости строгому, нелюбимому командиру, чем хорошему — «отцу, что называется».

— А ну-ка, Пузырев, затяни, брат, что-нибудь, — обратился поручик к широкоплечему малому, мурлыкавшему что-то себе под нос.

Во фронте роты произошло маленькое перемещение: человек пятнадцать вышли из рядов и сгруппировались на правом фланге.

Пузырев еще раз затянулся из своей коротенькой, почерневшей трубочки, откашлялся, сплюнул и высоким дискантом начал:

Среди долины ровный
На гладкой высоте...

Хор подтянул. Лица солдат повеселели, а при припеве:

Ах вы Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои... —

у многих совершенно непроизвольно зашевелились плечи и ноги. В соседней роте затянули плясовую, а какой-то солдатик выскочил и начал откалывать перед фронтом трепака, с винтовкой на плече и с полуторпудовым багажом на себе, подымая облака пыли, в которых мелькала его приседавшая и прыгавшая фигура...

А солнце жжет, немилосердно жжет... Лошади совершенно измучены и на понукания и удары нагайки отвечают размахиванием головою и хвостом, как бы желая сказать: «Ну, брат, мне теперь все равно, бей не бей, а скорее не пойду». Колонна

сделала с утра двадцать четыре версты, и остановка была только два раза по полчаса; еще три версты — и привал на два часа. Боже праведный, да когда же наконец будет этот проклятый холм! Утром в четыре часа, при выступлении с последней станции, он казался так близок, а вот уже идем семь долгих часов и все еще не добрались до него! Впереди колонны едут несколько офицеров; среди них выделяется фигура седого майора, старого кавказца; он начальник колонны. Шагах в пятнадцать сзади едут два казака и горнист — комичнейшая фигура пехотного солдата на обозной лошади пегой масти, с винтовкой с примкнутым штыком за плечами, стремян нет, почему ноги болтаются в воздухе и сам всадник каждую минуту подвергается опасности слететь со своего Буцефала.

Офицеры ехали молча, на физиономии каждого видно было утомление и желание как можно скорее добраться до места привала.

Майор оглянулся назад, посмотрел, далеко ли отстал аррьергард, и велел горнисту сыграть «стой».

Горнист снял с перевязи горн, высыпал набившийся в него песок, поднес горн к губам, надул щеки, выпучил глаза — не тут-то было: из трубы вылетали облака пыли, но ничего похожего на сигнал. После нескольких минут усилий горн захрипел и издал нечто похожее на сигнал «стой». Колонна остановилась. Солдаты и офицеры сейчас же легли на раскаленный песок; во многих местах видны были фигуры, лежавшие на спине, поднявши ноги кверху, — лучшее средство, чтобы ноги отдохнули, так как при подобном положении прекращается прилив крови к наиболее уставшим частям тела. Некоторые из солдат жуют сухари, иные, наиболее утомленные, заснули тяжелым сном; артиллеристы улеглись под передками и зарядными ящиками, чтобы хоть немножко воспользоваться тенью; словом, каждый старался не потерять ни одной минуты кратковременного отдыха, пока подтянутся отсталые. К кружку офицеров, лежащих на бурке, подходит торопливо денщик, останавливается против одного из пехотных офицеров, выпучивает глаза и громко выпаливает:

— Лопнул, ваше благородие!

Барин его, сладко дремавший, при этом громком, странном восклицании быстро вскакивает.

— Кто лопнул? Что ты городишь такое?

— Тилимометра, ваше благородие! — При этом денщик вытаскивает из-за обшлага маленький сорокаградусный термометр Реомюра с лопнувшей трубкой.

Раздается гомерический хохот офицеров. Оказалось, что владылец термометра велел своему Санчо Пансе иметь термометр «под рукой», тот засунул его за обшлаг, и так как температура в этот день была около 47 градусов, то термометр и лопнул.

Горнист сыграл «подъем». С неохотой поднялись солдатики, выстроились и пошли бодрее, однако, так как давно желанное место привала было всего только в двух верстах. Еще полчаса — и там три часа отдыха, чай, суп...

Офицеры заранее отдали распоряжение денщикам насчет закуски, и всем стало казаться, что солнце вовсе не так сильно жжет, как прежде, и что вообще степной поход ничего себе, пока есть что закусить и выпить; таков человек: съест бочку дегтя и в предвкушении ложки меда находит, что и деготь не особенно дурен.

Но вот и холм... Ура, привал! Пьем, едим и спим.

3. Укрепление Бендесен и охотники

Трудно решить вопрос: когда впервые появились охотничьи команды в русских войсках? История передала нам имена знаменитых начальников партизан Отечественной войны 1812 года: Фигнера, Сеславина, Дениса Давыдова и др. Были ли они основателями охотников или только расширили деятельность этих последних — не знаю, но мне кажется, что начало существования охотников во время войны восходит до глубокой древности. Во всякое время и везде были люди, мало дорожившие жизнью и ставившие ее на карту или из любви сильного ощущения, или для приобретения отличия; такие-то люди и положили краеугольный камень в основание охотничьих команд.

Но что такое охотники? — спросит, быть может, читатель, какой-нибудь мирный гражданин, трепещущий при слове «война» и видевший кровь только в мало прожаренном бифштексе.

Охотники, многоуважаемый читатель, — люди, идущие «охотно» на смерть. Вам, может быть, это покажется смешным, и вы, пожав плечами, скажете: не понимаю людей, желаю-

щих рисковать жизнью из-за получения ордена, когда последний можно получить и за мирные отличия, и вы, быть может, с важным видом поправите орден Станислава, висящий на шее и полученный за просиженную в двадцать лет службы дюжину стульев в департаменте.

Представьте себе, многоуважаемый читатель, что найдутся люди, подставляющие лоб даже не ради креста или чина, а ради ощущения: пылкая кровь бурлит у них в жилах, ударяет в голову и заставляет делать сумасбродно храбрые вещи. Подобные-то организмы, понятно, неиспорченные плесенью сидячей канцелярской жизни и поставляют главный контингент людей в охотничьи команды. Этими искателями сильных ощущений являются главным образом офицеры и вольноопределяющиеся, то есть люди образованного класса; солдатики же в большинстве случаев идут в «охотники» в силу приущего им фатализма или же из честолюбия — для получения «Егория»; попадаются иногда и поистине отчаянные головы, нетерпимые в роте, но неоценимые в охотничьей команде. Вообще же, как я замечал, охотники — народ развитой, ловкий, сообразительный, не теряющийся в минуты самой страшной опасности и наиболее способный обойтись в деле без указаний офицеров.

Но, может быть, читатель спросит, какая же обязанность охотников? Чем отличается их деятельность от деятельности обыкновенных регулярных команд?

Охотникам обыкновенно поручаются самые опасные предприятия: им поручается разведывание сил неприятеля, отыскание удобных мест для нападения на лагерь или укрепление; они обязаны тревожить неприятеля, уничтожать мелкие неприятельские команды, отбивать транспорты, узнавать движение неприятеля и мешать ему неожиданно напасть на наши главные силы; но главное и наиболее почетное — это обязанность первыми идти на штурм.

Хороший охотник должен обладать качествами североамериканского дикаря: без шума, как змея, проползти через линию неприятельских аванпостов, все что надо высмотреть при случае, не производя тревоги, покончить с каким-нибудь чересчур внимательным часовым и вернуться обратно с необходимыми сведениями — вот что должен уметь исполнить каждый, претендующий на почетное название охотника. Для этого требуется известная подготовка или, вернее сказать, способность

сбросить с себя цивилизованную оболочку и вернуться к тому доброму, старому времени, когда люди соперничали с дикими зверями в легкости движений и в изощрении органов зрения, слуха и обоняния.

Сообщив читателю общие, краткие сведения об охотниках вообще, я начну теперь описание укрепления Бендессен — главного местопребывания охотничьей команды Ахал-Текинской экспедиции — и познакомлю читателя с некоторыми типичными личностями маленького гарнизона этого важного пункта.

Бендессен лежит довольно высоко над уровнем моря — около тысячи футов — и господствует над долиной, находящейся между горами Копет-Дага. Долина эта представляет одно из немногих мест, на которых может успокоиться взор наблюдателя, утомленный однообразием глинистой или песчаной почвы так называемого Ахал-Текинского оазиса. Орошаемая ручейками, берущими начало из источников у подножия скал Копет-Дага, долина эта в первый раз предстала моим глазам, покрытая роскошной растительностью. Трава в некоторых местах превышала рост человека. Но, Боже мой, что случилось с этим плодородным уголком после основания в Бендессене верблюжьего лазарета или, вернее сказать, верблюжьего кладбища, так как из этого лазарета ни один верблюд не выходил живым! Но об этом после, вернемся к Бендессену. Само укрепление находится на вершине скалы и представляет почти неприступное место, для текинцев по крайней мере; только с тыла оно плохо защищено, так как здесь гора, на которой находится этот ахал-текинский Гибралтар, пологостью соединяется с близлежащими холмами и путем к Бендессенскому перевалу.

Укрепление Бендессен расположено на углу, образуемом двумя перпендикулярно пересекающимися путями; один из них, по долине, ведет в укрепление Ходжа-Калу, другой, по ущелью, в Вами — главный пункт стоянки наших войск с конца июня по ноябрь 1880 года. По другую сторону ущелья, в расстоянии шагов двести, находится крутая, господствующая над укреплением скала, где днем помещается пикет от бендессенского гарнизона в числе пяти или шести человек. Этот пикет обозревает долину на протяжении верст шесть или семь. Самое укрепление Бендессен состоит из полукруглой траншеи, обороняющей тыл, и из маленького редутика, в котором во время

моего там пребывания находились два медных четырехфунтовых орудия. Гарнизон — две роты: одна Самурского полка, другая Апшеронского; охотничью команду нельзя считать, так как она бывала почти всегда в разброде, в горах, на охоте за текинцами. Обе роты находились собственно в укреплении, то есть на скале, охотники же — внизу, у подошвы. Высота утеса над долиной сажень двадцать пять — тридцать; в углу его, на уровне земли, находится пещера, обращенная еще текинцами в род укрепления, а именно — сделана глиняная стенка с бойницами, защищающая эту пещеру с фронта, то есть со стороны ущелья, ведущего к перевалу.

Со стороны долины, у подножия утеса, протекает ручеек, затопляющий значительное пространство и одновременно оплодотворяющий почву и отравляющий воздух, так как гниющий в стоячей воде тростник и другие органические вещества порождают зловоние, обоняемое на далеком еще расстоянии от Бендессена. На берегу этого ручья расположена биваком охотничья команда. В недалеком расстоянии разбиты коновязи артиллерийских лошадей, находящиеся в Бендессене на подножном корму. На ночь здесь же помещаются верблюды и бараны. Атмосфера вечером невыносимая. Теперь, когда я пишу эти строки, для меня непонятно, как мы не задохлись в этом газометре углекислоты и сероводорода; присутствие последнего особенно чувствовалось в воде, сильно отзывавшейся гнилыми яйцами. А между тем сколько счастливых часов проводил я в этой атмосфере, на берегу этого ручья, в логовище армянина-маркитанта, в дружеской беседе с товарищами, за бутылкой скверного кислого вина, казавшегося тогда хорошим в пылу разговора о севере, о всем дорогом, что осталось дома, о предстоящих делах и штурме Геок-Тепе! Странное существо человек! Теперь, когда все миновало, телесные и душевные раны закрылись, когда находишься в иной, комфортабельной обстановке, пользуешься благами цивилизованной жизни, — тянет в эту дикую степь, к этим лишениям и к ставке жизни на карту. Сердце ноет и щемит при взгляде на бурку, на которой год тому назад лежал и при тусклом освещении огарка болтал с людьми, из которых осталось на свете меньше половины. Вспоминаются даже отдельные фразы, какое кто занимал место в кибитке, где чья шашка и револьвер висели; чайник без ручки, фляга, заткнутая бумагой вместо пробки, и глупая рожа денщика, являющегося с крышкой

от кастрюли, полной дымящегося и шипящего шашлыка — все это я вижу как теперь, как будто это было вчера. Вижу доброе, симпатичное лицо прапорщика Усачева, задумчиво смотрящего куда-то вдаль, в неосвещенный угол кибитки, как будто предчувствующего свою преждевременную смерть на штурме. Вот смуглый Готто, подпоручик Апшеронского полка, барабанивший пальцами правой руки по надтреснутой тарелке, а левой рукой крутящий свои черные усы. Бедняга! Не думал я, что только эти черные усы будут признаком, по которому я узнаю его обезображенный сабельными ударами труп после вылазки 28 декабря! Не смейтесь, читатель, над этим сентиментальным отступлением; бывают минуты, когда воспоминания о пережитом нахлынут в голову, и тогда, несмотря на всю дрессировку характера, становится тяжело и все это ощущение выливается на бумагу.

Человек, не бывавший в походе, не понимает, что значит связь между людьми, являющаяся следствием бивачной, боевой жизни. Весть о смерти людей, с которыми я сталкивался и жил вместе во время моей мирной жизни, не может так на меня подействовать, как смерть человека, с которым я был в походе. На биваке, под открытым небом, под пулями — нет этикета, нет правил церемоний и приличий, не позволяющих людям сближаться. Все это порождение нашей цивилизации остается в последнем цивилизованном пункте, и на место этого являются товарищеские, братские отношения, скрепленные стремлением достигнуть общей цели ценою крови и желанием той же дорогой ценой поддержать блестящую славу нашего оружия. Вот почему два человека, бывших вместе на войне, через много лет встречаются не как посторонние, а как друзья, как братья по крови, пролитой для общего дела. Воспоминания о пережитых вместе трудах и опасностях связали их навсегда. В походной жизни мало мелких интересов и интриг, да и трудно предположить, чтобы в виду смерти, грозящей каждому, являлось желание подставлять друг другу ногу, повредить один другому, что мы видим в мирное время в городах, где идет так называемая борьба за существование.

На войне, где эта борьба между национальностями достигает грандиозных размеров, где идея борьбы олицетворяется свистом пуль и потоками крови, нет места для единичной борьбы; там царствует товарищество в широких размерах, и воспоминания о пережитом остаются на всю последующую

жизнь соединяющим звеном между повсюду раскинутыми знаковыми между собой соратниками.

После этого немного длинного отступления я введу читателя в укрепление Бендессен. Человек с самыми здоровыми легкими почувствует одышку, подымаясь на эту крутизну по извиистой, каменистой тропинке, вьющейся под углом градусов в сорок. С передышкой наконец мы с вами на вершине.

Вы видите не особенно большую площадку, ограниченную с трех сторон крутыми обрывами и занятую кибитками и палатками. Почти в центре — маленький редутик, где на солнышке прохаживается артиллерист-часовой, оберегая два медных орудия и два передка. Передняя часть площадки, обращенная к долине, занята преимущественно офицерскими кибитками. Все кибитки поставлены фронтом и выравнены, как солдаты на параде. В центре офицерских кибиток находится комендантская. Но прежде чем ввести вас туда, читатель, я объясню вам, что такое кибитка.

Для человека, не бывшего на наших восточных окраинах, кибитка может представиться родом опрокинутого допотопного русского экипажа, как одна наивная барыня и предполагала. Кибитка есть круглое, переносное здание, настолько обширное, что в нем может поместиться более дюжины человек, спящих на земле по радиусам. Представьте себе четыре или пять решеток, высотой около сажени; решетки эти не прямые, а выгнутые. Составленные вместе, они образуют цилиндр, диаметр основания которого может быть различный; снаружи этот цилиндр обтягивается кусками кошмы, причем, чтобы ветер снизу не поддувал, к низу на пол-аршина присыпается земля. Крыша состоит из дуг, образующих полушарие и также обтянутых кошмой — вот вам примитивное жилище наших кочевников, а также и войск на походе в тех местах, куда Макар телят не гонял.

Теперь, читатель, когда вы, обладая некоторой долей воображения, представили себе, что такое кибитка, я введу вас к милому, что называется душе-человеку, подполковнику Генерального штаба В—ву, занимающему пост коменданта укрепления Бендессен и командующего войсками этого укрепления. Не пугайтесь громкого титула, обладатель коего встретит вас очень любезно.

Обеденное время, то есть полдень. Немножко жарко, иначе говоря, на солнце 46 градусов, в кибитке же всего 39 или